МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Г. В. Скотникова

Лики Византии «века Комнинов» и византийское наследие в самосознании России XIX–XXI столетий

Санкт-Петербург
2026

ББК 86.3
УДК 291.1

Под общей редакцией
академика В. С. Мясникова

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор СПбГУ В. В. Василик;
доктор культурологии, ведущий научный сотрудник РИИИ О. Б. Сокурова.

Г. В. Скотникова. Лики Византии «века Комнинов» и византийское наследие в самосознании России XIX–XXI столетий. СПб.: Российский институт истории искусств, 2026. – 388 с., ил.

Понимание и изучение фундаментальных опор духовно-исторического бытия и глубинных связей с византийской традицией имеют непреходящее значение для России. Лики Византии сияют сквозь века. Восприятию света их нетленной красоты, а именно «века Комнинов» — времени правления императорской династии Комнинов (1081–1185), ставшего «квинтэссенцией византизма», посвящено это исследование.

Первая глава раскрывает типологическое своеобразие восточно-христианской культуры Византии, цветение византийской словесности в её жанровом и содержательном многообразии, язык храмовой архитектуры — воплощение важнейших смыслов утончившейся в XII веке духовности.

Вторая глава книги посвящена «византийским исследованиям» в русской науке. Обращение к творчеству крупнейших русских византинистов и философов мирового уровня — Ф. И. Успенского, Н. П. Кондакова К. Н. Леонтьева, А. В. Соловьева, И. А. Ильина, А. П. Каждана, С. С. Аверинцева, Н. П. Ильина — открывает сегодня русскому самосознанию жизненно важное значение глубинных линий органической преемственности с византийской традицией, укрепляя самостоянье человека, народа, культуры.

Иллюстрации взяты из открытых интернет-ресурсов.

ISBN 978-5-86845-328-1

© Г. В. Скотникова, 2026
© Российский институт истории искусств, 2026

I
Духовность Византии XII века в словесности и церковном зодчестве

Вместо введения: «Скажи, что для тебя значит Византия?..»[1]

России не привыкать ощущать и осознавать своё состояние как переходное, кризисное. Но в настоящее время слом культурных парадигм, утверждавшихся в нашей стране в течение последних тридцати лет, став очевидным, не просто актуализировал, а сделал остро насущной проблему самостоянья (А. С. Пушкин) как залога достоинства и величия. «Нам, русским, необходимо наконец обрести право и силу отвечать за своё настоящее, самим решать свою политику — и в области культуры, и в области экономики, и в области государственного права»[2].

На этом пути определяющее значение приобретает отчетливое понимание и укрепление фундаментальных опор духовно-исторического бытия. Вспомним этимологию слова «кризис». По-гречески кризис (ἡ κρίσις) буквально означает «суд», «суждение», т. е. «кризис» — это вызов нашему сознанию, мощный импульс к целенаправленному и продуктивному осмыслению сложившейся новой реальности. Ещё в XV веке преподобный Иосиф Волоцкий писал, что мысль человека подобна воде: в спокойном состоянии она растекается, а теснимая горем и заботою, поднимается в высоту.

«Скажи, что для тебя значит Византия, и я скажу, что ты в себе содержишь», — именно так можно обратиться к современнику, имея в виду его представление о месте России в мировой культуре, подразумевая также личностное ощущение и понимание духовного ядра

---

[1] Русская философия = Russian philosophy: журнал. 2023. Вып. 2(6). С. 9–18.

[2] *Дмитрий Лихачев:* «Я занимаюсь Русью всю свою жизнь, и нет для меня ничего дороже, чем Россия» // novopro1. rulyudi...likhachev...zanimayus...vsyu-svoyu... (дата обращения: 07.05.2023).

— идеала русской культуры. Византия в X веке дала нам христианский религиозный стержень, православие как цивилизационную доминанту. При этом Византия и Россия являют собой два преемственно и тесно связанных, но различных типа христианской духовности[3], два самобытных, во многом весьма непохожих культурных мира[4], принадлежащих единой восточнохристианской, православной цивилизации.

Византия, оказав, по сравнению с другими странами Европы и Азии, сильнейшее влияние на русскую культуру, явилась одним «из важнейших факторов, давших нашей истории и всему культурному её строю свою определенную фигуру и своё лицо»[5]. Само имя Россия (Ρωσία)[6] впервые документально запечатлено в греческой (византийской) форме в середине X века в сочинении императора Константина VII Багрянородного[7]. В XII веке в византийских текстах появляется обозначение Μεγάλη Ρωσία — Великая Россия[8].

---

[3] *Аверинцев С. С.* Византия и Русь: два типа духовности // Аверинцев С. С. Другой Рим: Избранные статьи / предисл. А. Алексеева. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. С. 315–357.

[4] Стремясь подчеркнуть это обстоятельство, исследователи иногда высказывают парадоксальную мысль, говоря, что сути славянской цивилизации термин *византизм* (подразумевая под ним прежде всего глубинную связь культуры Византии с античным наследием) очевидным образом противоречит. См., например: *Панченко А. М.* О специфике славянской цивилизации // Знамя. 1992. № 9. С. 200–209.

[5] *Успенский Ф. И.* Из истории византиноведения в России // Анналы: Журнал всеобщей истории. 1922. № 1. С. 110.

[6] «Можно полагать, что слово Ρωσία появилось уже в эпоху мирных переговоров 907 и 911, но впервые оно засвидетельствовано у Константина Багрянородного». — *Соловьев А. В.* Византийское имя России // Византийский временник. 1957. № XII. С. 136.

[7] Император Константин Багрянородный (913–959) был дедом княгини Анны, супруги Крестителя Руси, великого князя Владимира.

[8] *Соловьев А. В.* Там же. С. 139.

Важно осознавать, что византийская духовная традиция, лежащая в основе российской цивилизации, традиция, принадлежащая Средневековью, входит как архетип в современный способ секулярного мировосприятия, испытавшего в течение истории влияние многих культур, присутствуя как духовная вертикаль, как восприятие реальности высшего идеала, определяющего жизнь человека. Крупнейшими современными исследователями, разрабатывающими именно эту, по сути культурфилософскую проблематику, являются в настоящее время филолог академик С. С. Аверинцев, искусствовед академик А. М. Лидов, литературовед член-корреспондент А. Н. Ужанков, историк архитектуры академик Д. О. Швидковский. В их трудах осуществляется обоснование сущностной роли православного Средневековья в строении русской духовности.

Византия и её культура по-прежнему остаются едва ли не факультативным, по сути маргинальным, предметом внимания широких слоев общества. Русской культурфилософии и русской византинистике, непосредственно связанными с национальным самосознанием, обладающими колоссальным потенциалом, накопленным как в прошлом, так и в настоящем времени, осознанию роли византийского влияния в формировании и раскрытии самобытности отечественной духовности почти не уделяется внимания в современных образовательных программах: и школьных, и вузовских. Оторванность от исторических корней существования народа и государства во многом определяет распыленность сил, ценностный релятивизм современного россиянина.

Для подавляющей части нашего общества питающие культуру древнерусско-византийские родники находятся под спудом. Николай Рубцов пишет: *«Какая жизнь отликовала, / Отгоревала, отошла! / И всё ж я слышу с перевала, / Как веет здесь, чем Русь жила»*. Но, к сожалению, большинство наших соотечественников, следуя своему самоощущению, слова поэта скорректируют во-

просом: «И всё ж я слышу ль с перевала, как веет здесь, чем Русь жила?» Не говоря уже об отсутствии отчетливого представления о блестящей византийской культуре, её необыкновенной творческой мощи и плодотворном духовном влиянии на многие народы. В Византии «это объективно так <…> был такой уровень богатства, глубины, интеллектуальных и духовных возможностей, что рядом поставить нечего»[9].

Зададимся вопросом о причинах странного беспамятства, аберрации исторического воззрения отечественной культуры, выделив основные периоды отношения к Византии.

В Древней Руси в восприятии Византии однозначно господствовал *плюс*. При этом она воспринималась только как наша Одигитрия[10] в горний мир. Светские реалии византийской истории и культуры, которые в самой империи очень ценились и пристально изучались, Русь не интересовали. Этот вопрос впервые специально исследовался в докторской диссертации Ф. А. Терновского, защищенной в Киевском университете святого Владимира в 1877 году, — «Изучение византийской истории и её тенденциозное приложение в Древней Руси»[11]. Автор, посвящая своё сочинение раскрытию древнерусского образа Византии и характера отношений с ней, делал вывод, что Византия воспринималась исключительно сквозь церковно-религиозную призму как некий образ-символ православной Греческой державы. Время с 1453 по 1700 год, то есть от падения Византии до петровских ре-

---

[9] *Лидов А. М.* Византийский храм устроен как мультимедийная инсталляция. Вопросы: Алина Стрельцова // Искусство. 2016. № 2(597). С. 20.

[10] Одигитрия (греч. Οδηγήτρια) — Путеводительница.

[11] *Терновский Ф. А.* Изучение византийской истории и её тенденциозное приложение в Древней Руси. Киев: Унив. тип. 2 т. Вып. 1, 1875. 214 с.; Вып. 2, 1876. 301 с. Это был один из первых опытов защиты в университете лица, окончившего курс в Духовной академии и получившего там магистерскую степень.

форм и период правления Петра Великого Ф. А. Терновский называет эпохой тенденциозного приложения византийской истории к русской жизни.

Минус, то есть отталкивание, «ориентация на Рим, минуя Византию»[12], возникает в России со времен Петра I. Правда, сам Петр Великий, деятельно устремляясь к Европе, полагая, что она «будет нужна нам на несколько десятков лет...», заложил, как известно, православные духовные архетипы в основание Санкт-Петербурга[13], новой столицы России. Отчетливый европеизм архитектуры Петербурга затмевает образ новой империи как идеального русского царства, образ, непосредственно связанный со сложившимся представлением о России как наследнице Византии — Третьем Риме. Древнерусская теократическая концепция XVI, XVII веков оказывается зримо выраженной в светской форме, посредством радикально измененного архитектурного языка: «Властитель России пожелал сделать этот язык понятным всей Европе»[14]. Реформаторская деятельность Петра Великого является ярчайшим свидетельством сложного переплетения в истории страны глубинных смыслов её бытия и непростого пути общества к осознанию своих фундаментальных духовных опор, определяющих органику культурного развития, опор, среди которых ду-

---

[12] *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык Средневековья. М.: Искусство, 1982. С. 236–249.

[13] *Скотникова Г. В.* Петербург Петра Великого — столица православной империи // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России. Сб. науч. тр. / отв. ред. О. В. Розина. М.: Изд-во: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения». 2023. С. 119–122.

[14] *Швидковский Д. О.* Исторический путь русской архитектуры и его связи с мировым зодчеством. Научное издание. М.: «Архитектура-С», 2016. С. 215.

ховному идеалу, завещанному Византией, принадлежит ключевая роль.

Исторические реалии свидетельствуют, что в стремительно обновляющейся России XVIII века на Византию начинают смотреть уже не как на пример для духовного подражания, а прежде всего с точки зрения осмысления гибельных для государства условий, причин падения империи, которых нельзя допустить в России. Константинополь пал, как полагал Петр Великий, по причине неисполнения указов, нерадения о воинском деле и религиозного ханжества императоров, и особенно императриц, выразившегося в устроении большого количества городских и расположенных недалеко от столицы монастырей (в 30 верстах от Царьграда было не меньше 300 монастырей)[15]. При этом сам Петр Великий, желая усиления государства, не только закрывает монастыри, что обычно отмечается историками как характерная черта его времени, но и учреждает более пятидесяти монастырей[16], желая утвердить в них строго уставное бытие.

В Новое время русское образованное общество проникается западноевропейским нигилистическим «византийским мифом»[17], который постепенно начинает преодолеваться в крепнущей русской философии в 1830–

---

[15] «Временем Петра Великого закончилось тенденциозное приложение византийской истории, а научная разработка ещё не началась». — *Терновский Ф. А.* Изучение византийской истории и её тенденциозное приложение в Древней Руси. Киев, Унив. тип. 2 т. Вып. 2: 1876. С. 266–267.

[16] *Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., Сильвестр (Лукашенко), архимандрит, Реснянский С. И.* Идеология Петра I: историческая развилка и выбор модели развития государства / отв. ред. В. И. Василенко. Ярославль: Изд-во «Отчий Дом», 2022. С. 145–146.

[17] «Византийский миф» сохраняет свою действенную силу в западноевропейском культурном сознании вплоть до настоящего времени, являясь по сути его ахиллесовой пятой.

1850-е годы[18], поставившей вопрос о сущности России, её призвании и месте в мире. Византийская тема органично вплетается в русскую философию культуры, начиная с А. С. Хомякова и И. В. Киреевского и их идейных антагонистов — П. Я. Чаадаева, затем В. С. Соловьева, получает фундаментальное обоснование в 1870-е годы в философии культуры К. Н. Леонтьева, автора знаменитого трактата «Византизм и славянство», идейного последователя основоположника теории локальных цивилизаций Н. Я. Данилевского. Во второй половине XIX века, в классический период русского самосознания, начиная с 70-х годов, утверждается в государственной идеологии, философии культуры, византиноведении, архитектуре преемственность с византийской идеей «симфонии властей» как формообразующим принципом, определяющим принадлежность России к восточнохристианской, православной цивилизации.

Известно, что византинистика в России, оформившаяся как самостоятельная область знания в 70-х годах XIX столетия, достигла быстрого и блестящего подъема на рубеже XIX–XX веков, получив в лице таких своих деятелей, как В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Н. П. Кондаков, Н. В. Покровский, В. В. Болотов, И. Е. Троицкий, А. А. Васильев, мировое признание как одна из ведущих византиноведческих школ. Центрами исследования византийского культурного наследия были Академия наук, университеты, духовные академии. Дореволюционная историческая наука являла собой единый поток, без разделения на церковную и светскую. Такое разделение, и даже противопоставление, утвердившееся в советской

[18] *Скотникова Г. В.* Византийская традиция и отечественная мысль 30–50-х годов XIX века / Скотникова Г. В. Византийский ассист. Византийская художественная традиция и русская культура. История и теория. СПб.: Изд-во «Аргус СПб», 2018. С. 12–105. 376 с. (Серия «Ценностные основания русской художественной культуры»). С. 12–105.

историографии, в последние десятилетия постепенно преодолевается. Развитие академической науки активно поддерживалось государством. Не случайно и создание Русского археологического института в Константинополе (РАИК) в 1894 году явилось результатом инициативы дипломатических кругов[19]. Основание в 1882 году Императорского Палестинского общества[20] также имело во многом политическую подоплеку. Общий, глубинный смысл византийских исследований осознавался учеными, воспринимавшими свое дело как служение русскому самосознанию в его историко-культурных и геополитических измерениях.

Русская византинистика до 1917 года была тесно «связана с политикой и текущей жизнью того или иного народа, находившегося ранее в сфере влияния Византийской империи», отражала пульс современной ей жизни, была исследованием прошлого культуры во имя лучшего понимания настоящего[21]. В России во второй половине XIX — начале XX века создалась атмосфера растущего интереса к истории и культуре Византии, что в значительной мере отразилось в последовательном открытии её культурных ценностей.

Советский период (1917–1988), кардинально изменивший идеологию страны, может быть назван, употреб-

---

[19] *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники. С.-Петерб. фил. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 243 с.

[20] *Грушевой А. Г.* Императорское Палестинское общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / под ред. И. П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 134–156.

[21] *Вздорнов Г. И.* Никодим Павлович Кондаков в зеркале современной византинистики // Вздорнов Г. И. Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М.: Индрик, 2006. С. 297.

ляя выражение выдающегося византиниста А. П. Каждана, «трудным путем в Византию»[22]. После 1917 года византинистика была разрушена как целостная область знания. Восстановление этой целостности лишь недавно получило реальные очертания. Декларировавшийся разрыв с культурно-исторической традицией, атеистическая установка проявились, в частности, в том, что с конца 1920-х по конец 1930-х годов само слово «Византия» было фактически запрещено к употреблению. В середине 1940-х годов византиноведческие исследования по личному указанию главы государства оказались возобновлены, но постепенно вновь попали «под подозрение», по-прежнему не имея ни должной творческой свободы, ни подобающего общественного влияния. Византиноведческая наука в лице отдельных высокоталантливых ученых (М. В. Алпатов, М. В. Бражников, Н. И. Брунов, В. Н. Лазарев, Г. Г. Литаврин, Н. В. Пигулевская, Н. Д. Успенский) делает в это время большие успехи, которые, однако, получая общественный резонанс, не становятся гуманитарной доминантой.

1988 год — празднование Тысячелетия Крещения Руси — явился поворотным, начался новый этап отношения церкви и общества, церкви и государства[23], соответственно, и византиноведческие исследования вступили в новую плодотворную фазу[24]. В этой фазе от-

---

[22] *Каждан А. П.* Трудный путь в Византию // Одиссей. Человек в истории. Историк и время. 1992. М.: Кругъ, 1994. С. 35–50.

[23] Вспомним слова президента России В. В. Путина: «государство <...> на протяжении многих предыдущих десятилетий много сделало для того, чтобы корни нашей истории и культуры, в том числе духовной, были подорваны. <...> государство вернет долг Русской Православной церкви, другим традиционным конфессиям, вернет долг российскому народу. — Санкт-Петербургские ведомости: «На Валдай, к Иверской», 14 января 2008 г.

[24] *Карпов С. П.* Российское византиноведение сегодня: школы, итоги и перспективы // Российское византиноведение. Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов / под ред. Карпова С. П. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 4–13.

четливо различимы две ступени: 1) конец 1980-х — конец 1990-х годов — период активного собирания сил, подведения итогов XX столетия[25], восстановления линий преемственности с дореволюционной и эмигрантской исследовательской традицией как византиноведческой, так церковно-исторической и богословской, 2) конец 1990-х — 2020-е годы — нынешний этап творческого обновления методологии, понятийного аппарата, проблемного поля исследований — формирования новой научной парадигмы в изучении византийской культуры. Можно выделить две доминирующие интенции этого процесса: поиск адекватных координат в решении культурологической проблемы типологического своеобразия культуры Византии и преодоление чисто позитивистского подхода, обусловливающее выход в метафизический простор эпистемологического пространства диалога культур: современной и византийской, средневековой. Русскую византинистику второй половины XX — начала XXI века прославили труды многих выдающихся исследователей, таких как академики С. С. Аверинцев, С. П. Карпов, И. П. Медведев, А. М. Лидов, члены-корреспонденты Ю. Р. Савельев, М. В. Бибиков, В. В. Седов, глубокие исследователи Г. М. Прохоров, Г. С. Колпакова, В. В. Бычков, О. С. Попова. Однако общественный резонанс их выдающихся достижений остается по сути дела локальным, весьма недостаточным. Это серьезная проблема, поскольку византинистика в России — не только академическая дисциплина, но область познания, теснейшим образом связанная с национальным мироотношением, иерархией жизненных ценностей.

Чем же объясняется малая востребованность важнейших научных открытий в византинистике? Почему

[25] Культура Византии в ее отдельных областях глубоко и масштабно исследована советской позитивистской наукой. Сводный итог ее достижений представлен в трехтомном издании: Культура Византии / отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1984–1991.

общество перестало дорожить исконными духовно-ценностными смыслами своего бытия?

Ответ на эти вопросы можно видеть в том, что устремленность России 1990-х годов к вхождению в западную цивилизацию сделала проблему самостоянья страны неактуальной. Соответственно, при разработке государственно-культурных перспектив и задач роль византийского наследия оказалась вне поля зрения. Это означало, что национальный духовный идеал, определивший тип нашей ментальности, внутренний склад человека, стал рассматриваться как устаревший, не соответствующий утверждающимся реалиям рыночных отношений в обществе. Вместе с тем в современной России, оказавшейся с 2022 года в ситуации сильнейшего давления со стороны Запада, проблема опоры на глубинные, фундаментальные основы, определяющие своеобразие, истоки силы общества и государства, встала во весь рост. Однако решение её далеко от прямолинейности. В современной России «единого и целостного образа Византии не существует», сохраняется и «черная легенда», и её «светлый образ».

Важно осознавать, что спор о Византии касается прежде всего сущностного, духовного ядра русской культуры, ее православной силы, невидимого града Китежа, «навеки огражденного, навеки неиссякающего» (И. А. Ильин). Вспомним здесь слова В. В. Розанова, говорившего о том, что не надо начинать споров-разговоров о религии с тем человеком, у которого при первом упоминании о Церкви «не розовеет щека», не возгорается сердце, не настраивается на положительный резонанс все его внутреннее содержание. Оппоненты, современные «позитивисты» и «метафизики»[26], сегодня нередко

[26] *Ильин Н. П.* Политика и философия // Ильин Н. П. Моя борьба за русскую философию. Избранные очерки и статьи. Т. 2. Становление национал-персонализма как философской основы русской идеологии. СПб.: Алетейя, 2020. С. 231–246.

не могут понять друг друга, ибо находятся по сути в разных областях мирочувствования, мировоззрения, способа познания. Например, если метафизики-консерваторы стремятся понять русский духовно-душевный склад, основополагающие жизненные ценности сквозь призму православия как цивилизационной доминанты России, то позитивисты-либералы говорят о необходимости изменить русский менталитет, духовные основания культуры России посредством изъятия из воспитательного процесса русской народной сказки, так как «русская народная сказка глубоко противоречит ценностям либерализма и вообще цивилизации»; пишут о необходимости разрушения ментальных структур, «органически сращенных с тоталитарной культурой и тоталитарным типом цивилизации»[27].

Нынешняя ситуация подтвердила существующую в отечественной культуре закономерность: старая, как и сама русская история, тема византизма, византийской традиции всякий раз становится новой в периоды неустойчивые, поворотные[28], требующие кардинального выбора, осознания и укрепления цивилизационных опор духовно-нравственного и государственно-исторического бытия России.

Об актуализации византийской проблематики в российском обществе может свидетельствовать недавняя

---

[27] Модернизация в России и конфликт ценностей / [А. С. Ахиезер, Н. Н. Козлова, С. Я. Матвеева и др.; отв. ред. С. Я. Матвеева] Рос. АН. Ин-т философии. М.: ИФРАН, 1994. С. 199; *Кондаков И. В.* Культура России. М.: Книжный дом «Университет», 2000. С. 298.

[28] Так было в рамках всего славянского мира в 80-х гг. IX в. (864 — первое крещение Руси); при выборе веры князем Владимиром в 988 г.; в период отвержения Флорентийской унии в XV в.; во времена патриарха Никона, сохранившего верность Вселенской Церкви // *Иоанн (Экономцев И. Н.)*, игумен. Византинизм, Кирилло-Мефодиево наследие и Крещение Руси // *Иоанн (Экономцев И. Н.)*, игумен. Православие. Византия. Россия. М.: Христианская литература, 1993. С. 125–126.

(2022) дискуссия гуманитариев «Византийское наследие в судьбах славянских народов. Византия после Византии? Форум»[29], а также масштабная конференция (2021), объединившая философов, социологов, историков, теологов, византинистов, политологов, искусствоведов, — «Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций», состоявшаяся в петербургском Социологическом институте РАН[30].

Ведущий современный исследователь, византинист-искусствовед академик А. М. Лидов говорит: «У нас есть некая система ценностей, от которой мы оказались отторгнутыми, как ребенок от груди матери, в силу целого ряда исторических причин — в определенных исторических обстоятельствах нас лишили собственной идентичности», подчеркивает, что *«это огромная культурная, политическая и психологическая проблема»*[31] (курсив мой. — *Г. С.*). Для решения этой проблемы важно правильно осознать «огромное значение византийской культуры, сформулировать программу, образовательную и духовную, и делать пусть небольшие, но важные шаги в византийском направлении. На этом пути могут быть разнообразные завоевания и открытия. И как

[29] Дискуссия. Византийское наследие в судьбах славянских народов. Византия после Византии? Форум // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2022. № 1. С. 3–35. В дискуссии принимала участие известный византинист из Екатеринбурга Т. В. Кущ.

[30] Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 1: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 1–2 октября 2021 г.) / отв. ред. О. Н.Ноговицин; ФНИСЦ РАН; РХГА. СПб.: Издательство РХГА, 2021. 484 с.
Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 2: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.) / отв. ред. О. Н. Ноговицин; ФНИСЦ РАН. СПб.: Издательство РХГА, 2022. 452 с.

[31] *Лидов Алексей*. Путь в Византию. — pravmir.ru› Культура› Искусство (дата обращения 28.07.2023)

сверхзадача — восстановление нашей культурной идентичности как византийских европейцев и в конце концов обретение народом в целом чувства собственного достоинства»[32].

В национальном самосознании пути постижения многосложной византийской культуры могут быть различны. Наиболее естественным и опорным является путь освоения духовно-смыслового содержания, воплощенного в ключевых памятниках Византии, **имеющих мировое значение, а также проявленного в целостных культурно-исторических феноменах.** В качестве таковых можно, безусловно, выделить непревзойдённые храмы — Святую Софию Константинопольскую[33] («святыню веры и перл искусства»[34]), церковь Богоматери Фаросской Большого императорского дворца в Константинополе («сердце и духовное средоточие Византии»[35]), византийскую культуру XII столетия, являющего собой *«ключ к пониманию внутренней сущности византизма»*, вре-

---

[32] Там же.

[33] «Хотя художественные факты принадлежат к разряду невесомых, но не будет излишним заметить, что Св. София сделала для роли Византийской империи больше, чем многие её войны, и не одни послы Владимира, созерцая величественную церковь, мнили себя быть на Небесах». — *Кондаков Н. П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886. С. 41.

[34] *Леонтьев К. Н.* Храм и Церковь // Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7, кн. 1: Публицистика 1862–1878 годов / К. Н. Леонтьев; редкол. В. А. Котельников (гл. ред.) и др.; текст. подгот. В. А. Котельников, О. О. Фетисенко; РАН. Ин-т рус. литры (Пушкинск. дом). СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 512.

[35] *Лидов А. М.* Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень // *Лидов А. М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009. С. 106. Церковь с 864 по 1204 г. служила «местопребыванием главных реликвий христианства, связанных, в первую очередь, со Страстями Господними. Для византийской столицы этот маленький по размеру храм замещал иерусалимский

мя, которое вполне может быть названо *«квинтэссенцией византийской духовности»*[36].

XII век стал последним великим столетием византийской *архитектуры*, именно в этом столетии были написаны *иконы*, «наиболее полно отвечающие понятиям “византийский стиль” и даже “византинизм”»[37], а в *словесности* были созданы сочинения, принадлежащие к «вершинам византийской культуры вообще»[38].

Обращаясь к духовности Византии XII века, автор осмысливает её в свете поиска цивилизационных ресурсов современности, укрепления ценностных оснований русского самосознания, избирая двуединый исследовательский путь, складывающийся из следующих линий. Это выявление *доминантных характеристик* византийской духовности XII века с целью раскрытия её «лика, а не маски» (А. М. Лидов). Автор рассматривает ключевые фигуры *интеллектуалов-литераторов*, в чьём творчестве получил воплощение необычайно многогранный спектр византийской духовности XII века, имеющей своим истоком божественное Слово. Специальное внимание уделено *иконологии храмового зодчества*, его содер-

---

Гроб Господень, обеспечивая «символическую и мистическую связь между протохрамом над местом погребения и воскресения Спасителя и всеми храмами православного мира. Сакральное пространство Богоматери Фаросской может быть рассмотрено как абсолютно доминирующий образ-архетип, оказавший огромное влияние на умы храмоздателей всего христианского мира. Знаменитая Сен-Шапель в Париже, построенная Людовиком IX, — готическая реплика Фаросской церкви.

[36] *Колпакова Г. С.* Эпоха Комнинов. XII век // Колпакова Г. С. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 392.

[37] *Попова О. С.* Византийские иконы VI–XV веков. — nesusvet.narod.ru-ico/books/popova/ (дата обращения: 03.08.2023).

[38] *Бибиков М. В.* Развитие исторической мысли // Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. М.: Наука, 1989. С. 123.

жательно-стилистической наполненности, отражающей своеобразие мироотношения византийцев этого исторического времени.

В монографии осуществляется *новое прочтение* трудов русских византинистов в аспекте их востребованности в современной философии культуры и культурологии, *актуализация* их наследия, способствующая развитию зоркости взгляда и адекватного понимания корневой системы культуры России, страны-цивилизации, самобытности типа нашей национальный духовности.

Тип византийской культуры: культурологические координаты

Культурология изучает культуру как целостность, а вовсе не как сумму отдельных, параллельных феноменов литературного, музыкального, философского творчества, сельскохозяйственных, ремесленных и других реалий. Именно это и составляет нерв культурологического подхода, основной импульс творческой исследовательской задачи, всегда непростой, а в отношении византийской культуры — особенно сложной.

В культуре Византии (330–1453) столь разнообразно и сложно переплетены традиции античности и славянского мира, западные и восточные черты, пропитанные христианской духовностью, что наука, накопившая огромный потенциал, не имеет до настоящего времени «убедительного решения исторического парадокса, касающегося путей формирования византийской культуры и её *главных* (курсив мой. — *Г. С.*) особенностей»[39].

Типологическое изучение культуры, будь то культура конкретного исторического периода, региона, этноса, ориентирует исследователя-культуролога на выявление

[39] *Литаврин Г. Г.* Вместо предисловия // Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики. СПб.: Алетейя, 2001. С. 6.